

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ГАВРИИЛ
ДЕРЖАВИН

Оды
Стихотворения

МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
Д36

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Державин, Гавриил.

Д36 Оды. Стихотворения / Гавриил Державин. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с. — (Всемирная литература).

ISBN 978-5-04-215293-1

Книга представляет собой собрание лучших стихотворений и од одного из величайших русских поэтов XVIII века – Гавриила Романовича Державина. Его поэзия — яркое воплощение эпохи Просвещения, соединяющее величавый пафос классицизма с живым чувством и философской глубиной.

Издание будет интересно всем, кто ценит силу русского поэтического слова, хочет прикоснуться к духовным и эстетическим истокам отечественной литературы и увидеть, как издержки классицизма перерастают в предвестие пушкинской эпохи.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-04-215293-1

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Гаврила Романович Державин

Поэтическое творчество Державина приходится в основном на два последних десятилетия XVIII — первое десятилетие XIX веков. И это не только хронологические границы. Вырастающая на почве XVIII столетия, величавое и могучее древо державинской поэзии несет на своих широко раскинувшихся ветвях воистину золотые плоды — зерна будущего, соединяет концы и начала, является живым и действенным связующим звеном между двумя столь различными эпохами в развитии русской поэзии.

Вне всякого сравнения крупнейший поэт-художник XVIII века, Державин явился в своем творчестве закономерным следствием всего предшествовавшего ему развития новой русской литературы от Кантемира, Ломоносова, Сумарокова до Хераскова, Василия Петрова, Василия Майкова, Богдановича.

В творчестве Державина широко и порой с исключительным блеском представлены все основные поэтические жанры, культивировавшиеся в поэзии XVIII века. Но мы находим в нем и нечто другое. В ряде наиболее новаторских своих созданий Державин не только начал стирать строго установленные грани между различными стихотворными жанрами и, соответственно, «штилями» классицизма, но и сумел на равных правах сочетать в рамках одного произведения и утверждающее, и критическое начала. Тем самым из области условных литературных схем Державин выходил в мир реальной, живой жизни; делал — пусть еще только первый, но имевший громадное принципиальное значение — шаг к широкому разностороннему изображению как человека, так и окружающей его действительности; открывал путь к преодолению рационалистической эстетики классицизма, к развитию и утверждению тех новых направлений романтизма и реализма, которые определили собой лицо русской литературы первых десятилетий XIX века.

Младший современник Ломоносова, родившийся за год до смерти Кантемира, Державин явился непосредственным предшественником не только Карамзина, но и Батюшкова, Жуковского, наконец — и это самое главное — Пушкина.

1

Державин происходил из кругов мелкопоместного дворянства. В пику надменным представителям высокопоставленной придворно-вельможной среды, в которую Державин позднее, благодаря своему служебному положению, попал, он любил подчеркивать, что происходит тоже от знатного предка — татарского мурзы Багрима. Но родители поэта владели довольно жалкое существование. Отец, Роман Николаевич, владелец крохотного именища под Казанью всего с десятью душами крепостных крестьян, поступив на службу рядовым еще при Петре I, почти всю жизнь служил в малых офицерских чинах по провинциальным гарнизонам. Женат он был на своей соседке и дальней родственнице, вдове Фекле Андреевне Гориной, урожденной Козловой, которая принесла за собой еще пятьдесят душ. 3 июля (по новому стилю 14 июля) 1743 года у Державиных родился не то в Казани, не то в одной из их «бедных деревнишек» (это точно не установлено) первенец, названный Гаврилой. Будущий поэт был столь мал и слаб, что, по народному обычаю, его доразивали в своеобразном инкубаторе — запекали в хлебе, «дабы получил он сколько-нибудь живности»¹.

Первые детские годы Державина протекали в типичной обстановке дворянского мелкопоместья. Помимо хозяйственных забот жизнь Державиных была заполнена нескончаемыми судебными тяжбами, возникавшими главным образом из-за земельных споров с соседями, а порой из-за столкновений по сущим пустякам, живо напоминающих пресловутую гоголевскую ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем.

Державина-мать была женщиной необразованной и даже малограмотной, тем не менее она с раннего детства приохочивала сына, уже в четыре года научившегося грамоте, к чтению духов-

---

¹ Записки Державина. — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. 6. СПб., 1871, стр. 414. При дальнейших ссылках на это издание в тексте указываются в скобках том и страница.

ных книг. Старались Державины дать ему и дальнейшее образование; однако поначалу оно носило достаточно примитивный характер. Первыми учителями будущего поэта были мелкие церковные служители; затем, после перевода отца в Оренбург, Державин был отдан «для научения немецкого языка», знание которого со времени Петра I считалось признаком хорошего тона, в школу немца Розе, человека совершенно невежественного и крайне жестокого; наконец, арифметику и геометрию, познания в которых требовались указами о недорослях, Державин прошел под руководством «служивых».

В 1753 году отец повез было Державина в столицу, рассчитывая поместить его в высшее дворянское учебное заведение того времени — Петербургский шляхетный корпус. Но этому помешал недостаток средств. В следующем году отец умер. У вдовы, оставшейся с тремя малыми детьми, не оказалось даже пятнадцати рублей, чтобы заплатить долг покойного. Воспользовавшись ее беспомощным положением, соседи отняли часть принадлежавших Державиным земель. Тщетно простаивала мать вместе с малолетними сыновьями по целым часам в передних у приказных, добываясь справедливости. Эти тягостные впечатления детства глубоко ранили будущего поэта и запомнились ему на всю жизнь. «Такое страдание матери от несправедливости, — вспоминает он в своих «Записках», — вечно осталось запечатленным на его сердце, и он, будучи потом в высоких достоинствах, не мог сносить равнодушно неправды и притеснения вдов и сирот» (6, 417–418).

Однако и теперь Державина не отказалась от стремления вывести сыновей в люди. В 1759 году ей удалось отдать их в только что открывшуюся в Казани гимназию, явившуюся вторым учебным заведением этого типа после Московской университетской гимназии, в которой примерно в эти же годы обучался будущий автор «Недоросля» Фонвизин. Директором казанской гимназии, также находившейся в ведении Московского университета, был назначен один из передовых и широко образованных людей того времени, довольно известный впоследствии драматург и переводчик М. И. Веревкин.

Программа гимназического преподавания задумана была весьма широко, по образцу Петербургского шляхетного корпуса, воспитанником которого был Веревкин; но из-за отсутствия сколько-нибудь удовлетворительных преподавателей осуществлялась она плохо.

Следуя традициям Шляхетного корпуса, из стен которого вышел целый ряд крупных писателей того времени, Вережкин старался привить гимназистам любовь к литературе, организовывал театральные представления, заставлял разыгрывать пользовавшиеся в то время широкой популярностью трагедии Сумарокова и комедии Мольера.

В гимназии сразу же проявились незаурядные способности Державина. Уже в первый год учения он был назван в газете «Московские ведомости» в числе нескольких лучших учеников. Особенное влечение он испытывал, говоря его словами, «к предметам, до воображения касающимся», — рисованию, музыке и поэзии. Он обнаружил явные и выдающиеся способности к живописи; начал играть на скрипке; стал пытаться сочинять тайком от всех стихи, сказки, романы, обычно сразу же уничтожая написанное.

Через год после открытия гимназии, готовясь к докладу в Петербурге куратору Московского университета, влиятельнейшему вельможе И. И. Шувалову, о занятиях и успехах гимназистов, Вережкин поручил способнейшим из них начертить карты Казанской губернии, украсив их фигурами и ландшафтами. Работа, выполненная Державиным, столь понравилась Шувалову, что он приказал записать его кондуктором Инженерного корпуса, дав отпуск до окончания гимназии. Вережкин стал усиленно привлекать молодого «кондуктора» к выполнению разного рода поручений: при его помощи был составлен план города Чебоксар; на него фактически выпало предложенное Шуваловым описание развалин древней столицы Болгарского царства и производство там археологических раскопок.

Однако окончить гимназию Державину не удалось. Вопреки обещанию Шувалова он оказался записанным не в Инженерный корпус, а рядовым в гвардейский Преображенский полк. В 1762 году его потребовали в Петербург к месту службы. Вережкина к этому времени уже сместили, поэтому помочь он не мог. Да и к тому же неожиданный поворот судьбы, по-видимому, не только не огорчил Державина, но даже отвечал его потаенным стремлениям. Мало удовлетворенный гимназическим преподаванием и тяготившийся жизнью в далекой Казани, одаренный и инициативный юноша рвался в столицу. В прошении, поданном им гимназическому начальству, он писал: «...Ныне склонность моя и лета долее не позволяют быть при оной гимназии, а желаю вступить в действительную службу».

Так закончились недолгие ученические годы Державина и началась его нелегкая, полная всякого рода испытаний трудовая жизнь. «В сей-то академии нужд и терпения научился я и образовал себя», — замечал позднее Державин.

По закону, изданному Петром I, все дети дворян должны были начинать службу рядовыми. Но после смерти Петра этот закон стал ловко обходиться. К тому же дворяне-гвардейцы принадлежали обычно к состоятельным семьям, сорили деньгами, обладали влиятельными связями при дворе. Державину пришлось поселиться в тесной солдатской казарме вместе с рядовыми из крестьян (тут же жили и их жены), выполнять наряду с ними всю «черную» работу: ездить за провиантом, чистить каналы, разгрести снег.

Всего через три месяца с небольшим произошло то, что сам Державин, следуя в этом новой императрице и ее окружению, называл громким словом «революция», — дворцовый переворот 1762 года, в результате которого на российский престол взошла жена убитого заговорщиками Петра III, Екатерина II. Державин вместе со своим полком принимал активное участие в событиях, с этим связанных, в частности в «походе» на резиденцию бывшего императора — Петергоф, которым предводительствовала сама Екатерина; присутствовал он и на коронационных торжествах в Москве, где был свидетелем «славного» уличного сатирического маскарада «Торжествующая Минерва», организованного основателем русского театра Федором Волковым при ближайшем участии поэтов Сумарокова и Василия Майкова. Устроителям было дано официальное задание осмеять пороки предшествующего царствования. Но фактически значение маскарада вышло за эти пределы: перед народом предстала широкая картина многих темных сторон всего самодержавно-бюрократического строя — неправосудия, взяточничества и т. п.; несомненную роль сыграл маскарад и в последующем развитии сатирического направления в литературе.

Все пособники и участники переворота, имевшие те или иные связи с его главными деятелями, были осыпаны высочайшими милостями и наградами. Однако в положении самого Державина никаких изменений не произошло. Живя в Москве, он однажды чуть не замерз, стоя в жестокую стужу и метель на карауле в поле позади дворца; в другой раз, посланный ночью с приказом, попал в огромные снежные сугробы на Пресне и едва не был растерзан собаками. Тяжелые условия заставили

Державина «выкинуть из головы науки», забросить и упражнения в рисовании и музыке. Ему лишь удавалось «по ночам, когда все улягутся», читать «книги, какие где достать случилось, немецкие и русские», да «марать» «стихи без всяких правил» (6, 427). Некоторые из этих опытов были тесно связаны с солдатским фольклором; так, Державин переложил на рифмы популярные тогда «площадные прибаски насчет каждого гвардейского полка». По просьбе солдатских жен он стал сочинять для них письма в деревню, стараясь писать их наивозможно просто, на «крестьянский вкус». Несколько позже Державин начал было перелагать в стихи русский перевод знаменитого политико-нравоучительного романа Фенелона «Телемак», с которым познакомился еще в казанской гимназии.

Подобный образ жизни не мог не тяготить Державина еще более, чем пребывание в Казани. Узнав, что И. И. Шувалов, которому вскоре по приезде в Петербург его представил Веревкин, собирается за границу, Державин явился к нему с просьбой взять его с собой «в чужие края, дабы чему-нибудь там научиться». Покровитель Ломоносова отнесся к этому благосклонно и попросил зайти к нему еще раз. Но об этом узнала двоюродная тетка Державина. О Шувалове шла молва как о «главном начальнике» сравнительно незадолго до этого возникших в России тайных масонских организаций, участников которых тетюшка почитала «отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу». Угрожая написать матери, она категорически запретила племяннику снова идти к Шувалову. Державину было в это время почти двадцать лет, но, по его собственным словам, он был воспитан «в страхе божием и родительском» и, как это ему было ни горько, счел необходимым повиноваться (6, 437–438). В то же время Державина продолжали обходить при производстве. Тогда, в годовщину дворцового переворота, он обратился с жалобой к одному из активнейших участников его, графу Орлову, и в результате был произведен из рядовых в унтер-офицеры.

Державин смог теперь поселиться уже в дворянской казарме. Таясь от своих новых сожителей, Державин по-прежнему продолжал заниматься чтением книг и «кропанием стихов», на этот раз уже по правилам, которым он научился из трактата Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» и беря за образец сочинения Ломоносова и Сумарокова. Бывая на литературных вечерах своего давнего казанского

знакомца Осокина, встречал он на них и самого Третьяковского. Одно из своих стихотворений — «Похвальную песенку» солдатской дочери Наташе — он показал соседям по казарме и вызвал общее одобрение.

Литературные занятия Державина, очевидно, стали известны и начальству, и в 1768 году он был прикомандирован в качестве одного из «сочинителей» — секретарей — к созданной Екатериной Комиссии депутатов для составления нового свода законов. Секретарями в комиссии были и некоторые другие будущие выдающиеся писатели: замечательный русский просветитель и издатель сатирических журналов Н. И. Новиков, автор ироикомической поэмы-памфлета «Елисей, или Раздраженный Вах» В. И. Майков, — для которых эта работа, позволившая наглядно увидеть многие неустройства и неблагополучия в стране, явилась своего рода практической школой передовой общественной мысли. Работа Державина в Комиссии продолжалась недолгое время (по каким-то домашним делам он был вызван матерью в Казань), но можно думать, что она также не прошла для него вовсе бесследно.

Жизнь, которую Державин повел после получения унтер-офицерского чина, явно не соответствовала его внутренним стремлениям. Новые товарищи по дворянской казарме постепенно вовлекли его в круг весьма рассеянного существования. Необходимых на это средств не доставало, Державин пристрастился к карточной игре. Во время отпуска в Москве он проиграл деньги, данные ему матерью на покупку «небольшой деревнишки». Стремясь отыгратья, он свел знакомство с профессиональными игроками, научился всякого рода нечистым карточным приемам и проводил дни и ночи в трактирах. В результате против него было возбуждено уголовное дело, тянувшееся, по судейским нравам того времени, в течение целых двенадцати лет и так ничем и не кончившееся. «Если же и случилось, что не на что не токмо играть, но и жить, — рассказывает он в своих «Записках», — то, запершись дома, ел хлеб с водою и марал стихи при слабом иногда свете полусвечной сальной свечки или при сиянии солнечном сквозь щелки затворенных ставней» (6, 450–451).

В одном из стихотворений этой поры, выразительно озаглавленном «Раскаяние», Державин горько жалуется на то, что он «в роскошах забав испортил... непорочный нрав», «повеса, мот, буян, картежник очутился» и в результате, вместо того чтобы об-

ратить свой талант на пользу, погубил его «порочной жизнью». Попутно поэт дает резко обличительную картину нового Вавилона — Москвы, «града... роскошен, распутства и вреда» (3, 252–253). Но поэтический дар, сознание своего высокого призвания помогли Державину вырваться из все глубже затягивавшего его омута. «Возгнушавшись сам собою», Державин со свойственной ему решительностью, с трудом достав взаймы пятьдесят рублей, «бросился опростетью в сани и поскакал без оглядок в Петербург». По дороге встретил он одного из прежних своих приятелей, «человека распутной жизни», истратил с ним все деньги, снова занял пятьдесят рублей и на одной из почтовых станций опять проиграл их. В связи с эпидемией чумы перед Петербургом была установлена карантинная застава, на которой Державину предстояло пробыть положенные две недели. Оставшись совершенно без денег и вообще по свойственной ему пылкости и нетерпению, Державин умолял карантинного начальника пропустить его. Главным препятствием оказался багаж, состоявший всего лишь из сундука, наполненного рукописями. Тогда Державин, ничтоже сумняшеся, на глазах караульных сжег сундук со всем, «что он во всю молодость свою чрез двадцать почти лет намарал» (6, 456–457). Сгорели и его переводы из немецких поэтов, и его оригинальные сочинения в стихах и в прозе.

2

Кое-как перебиваясь по возвращении в Петербург, Державин два года спустя, в 1772 году, наконец-то, через десять лет по поступлении в полк, получил офицерский чин, несмотря на происки недоброжелателей, которые настаивали, чтоб его «за бедностью в гвардии офицеры не производить». Положение гвардии офицера действительно требовало больших расходов и вообще обязывало вести соответствующий образ жизни, возможностей к чему у Державина не было. Именно потому-то, по его свидетельству, он настойчиво хотел «употреблен быть в войне или в каком-нибудь отличном поручении», которое позволило бы ему как-то выделиться. Однако это никак не удавалось, что и повергало его «иногда в меланхолию» (6, 463).

В следующем, 1773 году Державин впервые появился в печати. В одном из журналов, «Старина и новизна», был напечатан его стихотворный перевод с немецкого «Ироида Вивлиды к Кавну»; в том же году по случаю брака наследника престола

Павла Петровича вышла в свет отдельным изданием его хвалебная «Ода на всерадостное бракосочетание их императорских высочеств, сочиненная потомком Аттилы, жителем реки Ра». Произведение никому неведомого «потомка Аттилы», да к тому же напечатанное в количестве всего пятидесяти экземпляров, прошло совершенно незамеченным.

Как раз в это время появились первые известия о вспыхнувшем в оренбургских степях и сразу же принявшем грозные размеры восстании Пугачева. Это открыло широкие возможности для энергии и честолюбия Державина. Добившись в качестве уроженца Поволжья, хорошо знавшего те места, прикомандирования к главнокомандующему правительственными войсками генералу Бибикову, Державин пробыл около трех лет в краю, где бушевало восстание. Он развил самую кипучую деятельность: совершал походы в различные поволжские города, участвовал в ряде стычек и боев с повстанцами, разъезжал чуть не в одиночку с наиболее ответственными поручениями по самым опасным местам, дважды чуть не попал в плен к Пугачеву, писал воззвания к восставшим, составил для казанского предводителя дворянства речь в честь Екатерины II, «казанской помещицы», как она себя называла, и т. д.

Державин был убежденным монархистом; дворянство считал первенствующим сословием в государстве; крепостное право — незыблемым, Пугачева — «злодеем». Но вместе с тем, не в пример рядовым представителям своего сословия, он сумел достаточно верно оценить общее глубоко ненормальное положение дел в стране, являвшееся питательной почвой восстания. «Надобно остановить грабительство или, чтоб сказать яснее, беспрестанное взяточничество, *которое* почти совершенно истребляет людей...» — писал он после года пребывания в местах, охваченных «колебанием народным», в официальном донесении на немецком языке, направленном казанскому губернатору и начальнику местной секретной следственной комиссии генералу Бранту. «Сколько я смог приметить, — продолжал он, — это лихоимство производит в жителях наиболее ропота, потому что всякий, кто имеет с ними малейшее дело, грабит их. Это делает легковверную и неразумную чернь недовольною и, если смею говорить откровенно, это всего более поддерживает язву, которая теперь свирепствует в нашем отечестве» (5, 109–111). С заявлениями подобного же рода Державин посмел обратиться и по гораздо более высокому адресу — к самой Екатерине

II. Боевая обстановка мало благоприятствовала занятиям поэзией. Однако, как только Державину представилась малейшая возможность, он снова обратился к ним. В 1774 году он был направлен, с целью преградить дорогу Пугачеву, в немецкие колонии близ Саратова. У одного тамошнего жителя оказался сборник од короля Фридриха II в переводе на немецкий язык (в подлиннике они были написаны по-французски). Пользуясь передышкой во время стоянки с батареей на холме Шитлагай, Державин перевел четыре из этих од прозой и тогда же написал четыре оригинальные оды. После возвращения в Петербург он издал их, в 1776 году, отдельным сборником без имени автора под названием «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае». Сам Державин позднее отрицательно отзывался о своих читалагайских одах, считая, что они «писаны весьма нечистым и неясным слогом»¹. Однако читалагайские оды, при всей их относительной незрелости, представляют несомненный и немалый интерес по своему содержанию и уже несут на себе печать самобытности, а порой и смелого новаторства. Так, «Ода на смерть генерал-аншефа Бибикова», написанная традиционной десятистишной одической строфой, представляет собой скорее элегию и, уже вопреки всякой традиции, сложена белым стихом, ибо рифмы были бы, с точки зрения Державина, украшением, неуместным «в печальном слоге» и стесняющим выражение подлинного чувства. Замечательна энергией тона, благородной смелостью и резкостью выражений «Ода на знатность», явно преемственно связанная со второй сатирой Кантемира «На зависть и гордость дворян злонравных». Эта сатира в форме оды, направленная против тех, кто, гордясь «древностью рода», «гербами предков», не подтвердил своего права на знатность «заслугой, честью и добродетелью», явилась как бы первоначальным вариантом одной из лучших и справедливо наиболее прославленных од Державина — «Вельможа», написанной им двадцать лет спустя; причем ряд наиболее резких и энергичных стихов «Оды на знатность» без всяких изменений (лучший признак их зрелости и законченности) вошел в текст «Вельможи». Мало того, по смелости обличений, включающих в свой круг не только дурных вельмож, но и дурных царей, «Ода на знатность» даже сильнее «Вельможи».

---

¹ Н. Ф. Остолопов. Ключ к сочинениям Державина. СПб., 1822, стр. 53.

Не той здесь пышности одежд,
Царей и кукол что равняет
Наружным видом от невежд,
Что имя знати получает,
Я строю гусли и тимпан;

Не ты, сидящий за кристаллом
В кивоте, блещущий металлом,
Почтен здесь будешь мной, болван!

Такой разящей строфой открывается «Ода на знатность», в дальнейшем течении которой находим еще более смелые строки, прямо ставящие на одну доску Пугачева и несправедливого царя:

Емелька с Катилиной — змей;
Разбойник, распренник, грабитель
И царь, невинных утеснитель, —
Равно вселенной всей злодей.

Конечно, тут же царю-злодею противопоставляется Екатерина II, которая «велела слезы стерть вдовицам, блаженство наше возвратить», но в контексте это выглядит попутной и маловыразительной оговоркой (3, 294–297). Последняя из читалагайских од непосредственно посвящена Екатерине: «Ода на день рождения ее величества, сочиненная во время войны и бунта 1774 г.». Написанная в ярко выраженной стилевой манере Ломоносова, со многими прямыми реминисценциями из его стихов, ода эта, наряду с патетическими восхвалениями царицы, содержит и смелые ей уроки. Если установится кроткое, милостивое и справедливое правление, — утверждает поэт, —

Тогда ни вран на трупе жить,
Ни волки течь к телам стадами
Не будут, насыщаясь нами,
За снедь царей благодарить:
Не будут жатвы по плененны,
Не будут села по паленны,
Не прольет Пугачев кровей...

Как видим, Державин развивает здесь еще далее и полнее те же мысли, которые он высказывал в донесении Бранту: в «колеснице народной» повинны царящие в стране несправедливости и утеснения. Местами ода окрашена в ярко гуманистические

тона. Поэт выступает против кровавых войн; он призывает Екатерину в борьбе с врагами идти путем не мести, а милости: «Враги, монархиня, те ж люди».

Все эти утверждения Державина в высокой степени знаменательны. О русских писателях-сатириках XVIII века (за исключением Радищева) Добролюбов верно сказал, что они старались не повредить «зданию существующего порядка», ибо «убеждены были, что здание само по себе совершенно хорошо, но что его нужно только чистить несколько от накопленного в нем сора»¹. Это положение может быть полностью распространено и на Державина.

В результате непосредственного соприкосновения с крестьянской массой в годы восстания, внимательно вглядываясь в окружающее, прислушиваясь к недовольству народа, Державин воочию убедился, как много грязи и сора, произвола и беззаконий накопилось в здании самодержавно-крепостнической Российской империи. Очищать его от этого сора он поставит основной задачей своей последующей и в высшей степени интенсивной служебной деятельности. В то же время в читалагайских одах — несомненные истоки некоторых ведущих тем и мотивов последующей поэзии Державина, в частности столь характерно окрашивающей ее гражданско-патриотической и вместе с тем обличительной, сатирической струи.

Таким образом, восстание Пугачева сыграло важнейшую роль и в становлении общественно-политических взглядов Державина, и в развитии его творчества.

В эти же годы рельефно обозначились отличительные черты державинского характера: неукротимая энергия и активность («действовать, надо действовать» — было его постоянным призывом), пылкость и нетерпеливость, смелость, решительность, прямота, отсутствие умения подлаживаться к начальству и, наоборот, резко выраженное чувство личного достоинства. Все это вызывало сильнейшее раздражение со стороны начальников Державина, в особенности нового главнокомандующего, графа Петра Панина, который грозил не более не менее, как повесить его вместе с Пугачевым. В результате Державина не только обошли наградами, но было даже признано, что он «недостоин продолжать военную службу». Тогда поэт решил действовать напролом:

---

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 2. Л., 1935, стр. 165.

не удовлетворившись подачей прошения самой императрице, он несколько раз почти силой «вырывался» к ставшему в это время могущественным временщиком Г. А. Потемкину. Однако вырванная им наконец таким способом награда оказалась относительно невелика, к тому же Державин, вопреки его желанию, был «выпущен в статскую» службу. Решение это жестоко оскорбило Державина, но делать было нечего, вернее — оставалось действовать в духе времени. «Очутясь в статской службе, — с полной откровенностью рассказывает он в своих «Записках», — должно было искать знакомства между знатными людьми, могущими доставить место в оной» (6, 537).

Вскоре Державину удалось стать своим человеком в доме одного из влиятельнейших людей екатерининского царствования, генерал-прокурора князя А. А. Вяземского, и с его помощью получить довольно видную должность в Сенате. Наладил Державин и свою личную жизнь: в 1778 году он женился на восемнадцатилетней Екатерине Яковлевне Бастидон — «Пленнере», как он стал называть ее в своих стихах.

3

К концу 70-х годов достигает полной зрелости и замечательного расцвета державинское творчество.

Хотя Державин, как мы уже знаем, прорываясь через карантин, сжег свои ранние произведения, в его бумагах сохранились две тетради, в которые он вскоре после этого внес, очевидно, по памяти некоторые свои стихотворения 60-х — начала 70-х годов. Это дает возможность составить представление о постепенном развитии его поэзии.

В русской литературе 60-х годов, в рамках одного литературного направления — русского классицизма, — боролись две школы, две поэтические манеры и традиции. Патетической, ставившей своей задачей утверждение созидаемой национальной государственности и национальной культуры поэзии Ломоносова, который культивировал по преимуществу жанр хвалебной, торжественной оды, противостояла сословно-дворянская традиция Сумарокова, усиленно проводившаяся его многочисленными учениками. Сумароков и его последователи и продолжатели резко восставали против риторической приподнятости, гремящего пафоса, «громкости», «витийства» од Ломоносова, требовали «простоты» и «есте-

ственности» стиля и языка. В противовес жанру ломоносовской оды они усиленно культивировали жанры интимной, камерной лирики (так называемая «анакреонтическая ода», посвященная воспеванию чувственных наслаждений; любовная песня; элегия) и сатирические жанры (сатира, басня, эпиграмма).

Еще в молодости Державин высоко оценил «национально-патриотический настрой героической лиры Ломоносова, как и то, что в своих поэтических созданиях он впервые дал почувствовать мощь и богатство русского языка, силу и звучность русского стиха — сделал, говоря его собственными словами, русскую поэзию «красавицей». «Холодный» (эпитет Пушкина), рассудочный Сумароков далеко уступал здесь Ломоносову. Поэтому в ожесточенной борьбе Сумарокова с Ломоносовым Державин решительно стал на сторону последнего. Когда Сумароков выступил по поводу героической поэмы Ломоносова «Петр Великий» (Ломоносов успел написать лишь две песни ее) с язвительной эпиграммой-эпитафией, Державин написал встречную эпиграмму в адрес «Терентия (т. е. Теренция — древнегреческого комедиографа) Облаевича Цербера», в которой сравнивал поэзию Ломоносова с «морем», а творчество Сумарокова с «лужей».

В то же время Державина явно не удовлетворял несколько односторонний, по преимуществу восхваляющий характер поэзии Ломоносова, как и почти совершенная оторванность ее от личной жизни самого поэта. В этой связи его по-своему привлекало жанровое разнообразие, характерное для творчества Сумарокова, выдвинувшего в своей эпистоле «О стихотворстве» положение: «Все хвально, драма ли, эклога или ода, Слагай, к чему тебя влечет твоя природа». И, наряду с одами в духе и стиле Ломоносова, среди ранних стихов Державина мы находим, причем еще в большем количестве, и любовные песни, и басни, и разного рода стихотворные мелочи — «безделки»: мадригалы, эпиграммы, шуточные двустихия, так называемые «билеты» и т. п.

Мало того, в первом же стихотворении «Идиллия», открывающем одну из уже упомянутых двух рукописных тетрадей Державина, озаглавленную им «Разные стихотворения» (в другую тетрадь вписаны его любовные песни), поэт прямо противопоставляет свой творческий путь «высокому» пути «российского Пиндара» — Ломоносова:

Не мышлю никогда за Пиндаром гоняться
И бурным вихрем вверх до солнца подыматься...
Не треснуть бы с огня.
Стихи мои слагать –
Довольно для меня
Зефиру подражать:
Он нежно на цветы и розы красны дует
И все он их целует;
Чего же мне желать? Пишу я и целую,
Анюту дорогую.

Однако сейчас же вслед за этим стихотворением в ту же тетрадь Державин вписывает под названием «Fragmentum» («Отрывок») строфу из оды, написанной им в связи с громкими победами русского оружия в так называемой первой турецкой войне 1768–1774 годов:

Что день, то звук и торжество,
Летят победами минуты.
Коль склонно вышне божество
Тебе, богиня, в брани люты!
На восток, на юг орел парит! –
За славой вихрь не ускорит!
Ты, муза, звезд стремясь в вершины,
Как мой восторг, несись, шуми,
Еще триумф Екатерины,
Еще триумф, звучи, греми.

Здесь, как видим, Державин, вопреки только что заявленному им намерению не возлетать на небеса вслед за Пиндаром, как раз возносится «в вершины звезд», «гремит» в традиционном стиле ломоносовской победной оды. Чередование, порой почти одновременность разработки личной и общественной тематики характерны и для последующего творчества Державина. В своих многочисленных одах, посвященных боевым подвигам и победам русских войск, он и впредь будет во многом следовать ломоносовской традиции. Но сохраняет он ее лишь для жанра победных од. В остальном же творческие принципы Ломоносова уже не удовлетворяют его собственным устремлениям: выйти за рамки условно-мифологизированного мирка, с «вершин звезд» сойти на землю, приблизиться к реальному миру — природе, человеку, высказать в своих стихах самого себя — свои личные мысли, чувства, переживания.

Читалагайские оды Державина, хотя и прошли словно бы незамеченными, по-видимому, сделали его известным в литературной среде. Примерно в это же время Державин вошел в дружеский кружок, состоявший из нескольких талантливых литераторов: разносторонне одаренного, сочетавшего в себе поэта, живописца, архитектора, знатока музыки с механиком, геологом, изобретателем — Н. А. Львова; поэта, будущего автора резко оппозиционной «Оды на рабство» и острой сатирической комедии «Ябеда» — В. В. Капниста и поэта-баснописца И. И. Хемницера, самого значительного из русских баснописцев до Крылова. Литературные взгляды и Львова, и Капниста, и Хемницера не выходили за рамки классицизма. Однако в большей степени, чем с требованиями законодателя классицизма XVII века Буало, авторитет которого так высоко стоял в глазах и Кантемира, и Тредиаковского, и Сумарокова, они были связаны с эстетической концепцией французского теоретика середины XVIII века Баттё, представителя более поздней стадии в развитии классицизма. Основное назначение искусства, по Баттё, заключается в том, чтобы одновременно и «нравиться», и «поучать», причем поэт должен осуществлять эту цель путем «подражания изящной природе». Из всех классических образцов — поэтов древности — наиболее отвечал этим теоретическим установкам Гораций, который в своих эпизодах, сатирах, посланиях умел сочетать лирический тон с шутливо-насмешливым и сатирическим, соединять этико-философское содержание, «правила любомудрия» (позднейшее выражение о нем Державина), окрашенные в эпикурейско-анакреонтические тона, с простотой и изяществом поэтического выражения. В то же время члены кружка, и в особенности Н. А. Львов, ратовали за национальную самобытность литературы, интересовались народным творчеством. Позднее, в 1790 году, Львовым было издано с его предисловием «Собрание русских народных песен с их голосами», т. е. музыкальными записями, сделанными Прачем.

Тесные дружеские связи, установившиеся у Державина с этим кружком, позднее закрепленные родственными отношениями (Капнист, Львов и — вторым браком — Державин женились на трех сестрах Дьяковых), несомненно, способствовали расширению его литературного кругозора и помогли выбору им нового, по сравнению с Ломоносовым, пути.

Сам Державин так рассказывает об этом в набросанной им в 1805 году автобиографической записке, говоря в ней о себе